

Мемлекет және құқық теориясы / Theory of State and law/ Теория государства и права

ГРНТИ 10.91.21

<https://doi.org/10.32523/2616-6844-2025-153-4-24-43>

Научная статья

Аутентификация многоязычных правовых текстов и гармонизация юридической терминологии: зарубежные модели и перспективы для Казахстана

А.К. Кусаинова^{*1}, А.Б. Омарова²

^{1,2}Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

(e-mail: ¹a.kussainova@narxoz.kz, ²omar_17@mail.ru)

Аннотация: В условиях развития двуязычной законодательной системы в Республике Казахстан особое значение приобретает проблема лингвистической аутентичности нормативных правовых актов, официально публикуемых на казахском и русском языках. Разнотечения между этими версиями могут повлиять на правовую определенность и подорвать доверие к судебной системе.

Цель данного исследования – всесторонне проанализировать зарубежные модели обеспечения аутентичности правовых текстов и гармонизации юридической терминологии с фокусом на возможности их адаптации в казахстанскую практику. Основное внимание уделено опыту таких стран, как Канада, Швейцария, Бельгия, а также государств ЕС и СНГ.

Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления институциональных и лингвистических барьеров, мешающих равнозначному функционированию казахского и русского языков в уголовно-правовой сфере. Практическая значимость работы заключается в формировании предложений по совершенствованию казахстанского законодательства с учетом международных стандартов.

Методология исследования опирается на сравнительно-правовой анализ, интерпретацию конституционных и подзаконных актов, а также на изучение судебной практики и научных источников.

В результате выявлены эффективные институциональные механизмы и терминологические стратегии, способствующие обеспечению аутентичности. Сделаны выводы о необходимости нормативного закрепления процедур двуязычного нормотворчества и усиления лингвистической экспертизы.

Исследование вносит вклад в развитие правовой лингвистики и языкового равноправия в казахстанской правовой системе, предлагая конкретные меры по улучшению качества перевода и унификации правовой терминологии.

Практическое значение заключается в возможности использования выводов в законотворческой и судебной деятельности для устранения юридических коллизий, вызванных несовпадением языковых версий.

Ключевые слова: лингвистическая аутентификация, двуязычное законодательство, гармонизация юридической терминологии, казахский язык, русский язык, правовая лингвистика, перевод правовых текстов.

Поступила: 18.10.2024 Одобрена: 20.12.2025 Доступна онлайн: 30.12.2025

24

*автор для корреспонденции

Введение

Правовая система Республики Казахстан развивается в особых условиях официального двуязычия, закреплённого в статье 7 Конституции, согласно которой нормативные правовые акты подлежат публикации как на казахском, так и на русском языках [1]. Подобная модель, с одной стороны, обеспечивает доступность права для носителей обоих государственных языков, а с другой – требует абсолютного совпадения смыслового содержания обеих версий. На практике, однако, нередко фиксируются расхождения в юридической терминологии, синтаксической структуре и семантических оттенках, что способно вызывать неопределенность при толковании норм и приводить к различиям в их применении.

Проблема усугубляется отсутствием целостного механизма лингвистической аутентификации в казахстанском нормотворчестве. Несмотря на наличие правовых норм, регулирующих подготовку и экспертизу проектов законов, языковой контроль зачастую сводится к техническому переводу, а не к комплексной проверке смыслового соответствия. Особенно остро эта проблема проявляется в уголовно-правовой сфере, где неточность формулировки может изменить правовую квалификацию деяния.

Объектом настоящего исследования выступает практика двуязычного законотворчества в Казахстане, а предметом – правовые и лингвистические инструменты обеспечения смысловой эквивалентности и аутентичности текстов законов. Целью работы является выявление типичных терминологических и семантических несоответствий между казахской и русской версиями НПА, а также разработка предложений по созданию устойчивого институционального механизма лингвистической экспертизы на всех стадиях законотворческого процесса.

Для достижения этой цели решаются задачи анализа действующей нормативной базы, изучения существующей практики правового перевода в Казахстане и сопоставления её с опытом стран, успешно применяющих двуязычные или многоязычные модели нормотворчества (Канада, Швейцария, Бельгия, государства ЕС и СНГ).

Обзор литературы

Проблематика лингвистической аутентичности законов и унификации юридической терминологии находится на пересечении трёх научных направлений – права, юридической лингвистики и переводоведения. В последние десятилетия она стала предметом как международных, так и отечественных исследований.

В Казахстане значительный вклад в изучение терминологических вопросов внесли Ш.Р. Мырзаева и Т.Е. Мушанов [2; 3], которые анализировали специфику правовых терминов и их переводческих эквивалентов. А. Б. Шолан [4] сосредоточился на проблемах формирования эквивалентных юридических формулировок в двуязычных текстах, тогда как А.А. Мединаева [5] и Г. М. Жетепова [6] акцентировали внимание на языковых недостатках действующего законодательства и трудностях перевода сложных правовых конструкций.

В международной научной среде фундаментальной работой, положившей начало системному изучению юридической лингвистики, считается исследование P. Sandrini *The Parameters of Multilingual Legal Communication in a Globalized World* [7], в котором

автор проводит разграничение между общим и юридическим переводом, подчёркивая необходимость точного соответствия правовых понятий. В том же направлении развиваются труды Ch. Šarčević, в частности, *Translation of culture-bound terms in Laws* [8], где особое внимание уделено институциональным механизмам контроля качества юридических переводов в многоязычных правовых системах.

В странах СНГ дискуссия по данной теме носит преимущественно прикладной характер. Например, в Беларуси и Украине действуют формализованные процедуры правового перевода, однако и там сохраняются проблемы терминологической согласованности. В Казахстане же до сих пор отсутствует единый официальный глоссарий правовых терминов, что усложняет достижение полной эквивалентности между казахской и русской версиями законов.

Анализ существующих исследований показывает, что при обилии как зарубежных, так и региональных работ вопросы лингвистической аутентификации в условиях институционализированного двуязычия остаются недостаточно изученными и требуют комплексного междисциплинарного подхода с участием юристов, лингвистов и специалистов по нормотворчеству.

Материалы и методы

Документальную основу исследования составляют международные акты, регулирующие отношения в области гармонизации юридической терминологии и обеспечения лингвистической аутентификации текстов законов. Кроме того, использованы нормативно-правовые акты (далее по тексту – НПА) Республики Казахстан в данной сфере, такие, как Конституция Республики Казахстан (редакции 1995-2022 гг.) [1], Закон Республики Казахстан «О правовых актах» [9], Закон Республики Казахстан «О языках» [10].

Для реализации поставленных целей была применена совокупность взаимодополняющих методов, обеспечивающих многоаспектное изучение темы:

– сравнительно-правовой подход применялся для анализа и сопоставления законодательных систем различных государств, что позволило выявить успешные модели регулирования и определить возможности их адаптации в правовой системе Казахстана;

– системный анализ обеспечил комплексное рассмотрение нормативно-правовой базы, научных исследований и эмпирических данных, относящихся к вопросам лингвистической аутентификации и гармонизации юридической терминологии, с учётом их взаимосвязей и влияния на правоприменительную практику;

– контент-анализ был направлен на детальное изучение текстов национальных и международных нормативных актов, а также профильных научных публикаций с целью выявления ключевых понятийных расхождений и формулировочных особенностей;

– лингвистический анализ использовался для установления терминологических, семантических и синтаксических несоответствий между казахской и русской версиями нормативных правовых актов, а также для оценки их потенциального влияния на единообразие правоприменения.

Результаты и обсуждение

Основы лингвистической аутентичности в правовой системе Казахстана закреплены в Конституции Республики Казахстан. Так, в статье 7 закреплено следующее:

1. В Республике Казахстан государственным языком является казахский язык.
2. В государственных организациях и органах местного самоуправления наряду с казахским официально используется русский язык [1].

На наш взгляд, это означает, что при официальном функционировании обеих языковых версий законодательных актов (казахской и русской) они должны быть равнозначными и юридически аутентичными.

Далее: «Президент Республики создаёт условия для всестороннего функционирования казахского языка как государственного и развития русского языка как языка межнационального общения» (ст. 93 Конституции Республики Казахстан). Как мы видим, Конституция не определяет приоритетность одного языка над другим в правоприменении, что порождает необходимость юридической и лингвистической эквивалентности обеих версий закона.

Если обратиться к специальным законам и подзаконным актам, то в первую очередь следует выделить Закон Республики Казахстан «О языках в Республике Казахстан» [10]. Согласно статье 21 настоящего Закона: «Официальные тексты нормативных правовых актов разрабатываются на государственном языке и переводятся на русский язык. В случае расхождения смыслов в текстах на государственном и русском языках приоритет имеет текст на государственном языке». Следует отметить, что в тексте закона впервые появляется приоритет казахской версии при расхождении смыслов.

В Законе Республики Казахстан «О правовых актах» закреплено основное требование: тексты нормативных правовых актов на казахском и русском языках должны быть аутентичны (п.п.3 п.3 ст.24 Закона РК «О правовых актах»).

Таким образом, при наличии юридических коллизий, обусловленных терминологическими или семантическими несоответствиями между казахской и русской версиями нормативных актов, приоритет в правоприменении отдается тексту на государственном языке – казахском. Однако на практике это положение не всегда реализуется должным образом, что подчёркивает необходимость институционального механизма лингвистической экспертизы и контроля аутентичности нормативных текстов.

Как мы видим, вышеуказанный Закон устанавливает иерархию в пользу казахского языка. Однако большинство законопроектов изначально составляются на русском языке с последующим переводом на казахский, что искажает логику приоритета.

Казахстанский законодатель закрепил основное положение: по проектам НПА **может** проводиться научная экспертиза (правовая, антикоррупционная, лингвистическая, экономическая и другая) в зависимости от правоотношений, регулируемых данными актами (п.1 ст.30 Закона РК «О правовых актах»).

Научная лингвистическая экспертиза представляет собой специализированную проверку законопроектов на предмет смыслового соответствия их казахской и русской версий. Эта процедура осуществляется Центром лингвистики, который является структурным подразделением РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан» [11].

В ряде случаев подготовка двуязычных версий законопроектов осуществляется переводчиками и лингвистами, не обладающими профильными юридическими знаниями. Отсутствие глубокого понимания правовой природы терминов, особенностей их применения в законодательстве и взаимосвязей между нормами нередко приводит к нарушению терминологической точности и даже изменению правового содержания положений. В результате при правоприменении возможны разнотечения, создающие риски для единообразного толкования и реализации норм.

В отношении законодательных инициатив, подготовленных государственными органами и подлежащих внесению в Парламент, проведение указанной экспертизы является обязательным условием, обеспечивающим точность и эквивалентность двуязычных текстов (ст. 31 Закона РК О правовых актах).

Следует отметить, что в 2023 году были утверждены Правила разработки, согласования и государственной регистрации нормативных правовых актов [12]. Однако нормы данных Правил не предусматривают обязательного параллельного представления текста проекта на двух языках;

- не устанавливают требований к содержательной идентичности казахской и русской версии проекта;
- не регламентируют процедуру лингвистической экспертизы на этапе согласования или регистрации.

Несмотря на нормативно закреплённое равенство двух языков в правовой системе Казахстана, практика законотворчества и правоприменения демонстрирует существенные семантические и терминологические расхождения между казахскими и русскими версиями одного и того же НПА.

Учитывая положения статьи 33 Закона Республики Казахстан «О правовых актах» [9], предусматривающей возможность проведения научной лингвистической экспертизы, мы считаем, что при отсутствии чётко регламентированной процедуры, унифицированной методики и обязательности применения лингвистической экспертизы на всех этапах нормотворческого процесса, сохраняется риск расхождений в смысловом содержании казахской и русской языковых версий нормативных правовых актов, что может повлечь за собой юридические противоречия, затруднения в толковании и правоприменении, а также подорвать принцип правовой определённости.

Так, в качестве примера терминологического расхождения можно привести нормы ст.16 Закона Республики Казахстан «О профессиональных союзах». В п. 16 ст. 16 русской версии закона закреплено: «Профсоюзы имеют право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, принадлежащим им на праве собственности» [13].

В казахском тексте используется следующая формулировка: «Кәсіподақтар өздерінің меншігіндегі мүлікті *иеленуге, пайдалануга* және оған *билік етуге құқылды*» [14]. Лексико-семантический анализ показывает, что термин «иелену» эквивалентен понятию «владение», «пайдалану» соответствует «пользованию», а «билік ету», дословно означающий «властвование», в правовом контексте ближе по значению к «распоряжению».

В ряде других нормативных правовых актов аналогичная правовая конструкция передаётся как «басқару», что в административно-правовом языке чаще ассоциируется с понятием «управление». Такое терминологическое расхождение приводит к

потенциальной двусмысленности в правоприменении, особенно при толковании имущественных полномочий субъектов.

Отсутствие единообразного подхода к переводу ключевых имущественных прав (владение, пользование, распоряжение) на казахский язык создаёт риск правовой неопределённости и требует закрепления унифицированных эквивалентов в официальных юридико-лингвистических гlosсариях.

Проблема лингвистической аутентичности законов – это вопрос юридической идентичности и равнозначности смыслов между языковыми версиями одного и того же нормативного правового акта. Исторически она возникла на стыке развития многоязычных государств и становления международного права, где точность формулировок имеет юридически обязательный характер.

Одной из первых многоязычных правовых систем является Швейцария (с 1848 г.). В данной стране был закреплен федеративный принцип в Конституции 1848 года, признав немецкий и французский языки официальными, а в 1938 и 1996 годах к ним добавились итальянский и ретороманский. Отличительной особенностью данной правовой системы является то, что все федеральные законы публикуются одновременно на трех языках. В соответствии со ст.70 Швейцарии (1999 г.), все языковые версии закона считаются аутентичными и имеют одинаковую юридическую силу [15].

В случае коллизий или расхождений между версиями, федеральный суд анализирует каждый текст и выносит решение на основе толкования в контексте всех версий, применяя метод «взвешенной языковой эквивалентности». Это сделало Швейцарию одним из первых государств с реально действующей моделью лингвистической аутентичности, ставшей примером для правовых систем с более чем одним официальным языком.

Одним из первых крупных международных договоров после Первой мировой войны, касающийся лингвистической аутентификации, является Версальский договор, подписанный в 1919 году на французском и английском языках. Но юридически значимым считался только французский текст (ст. 428 Версальского договора) [16]. Правовая коллизия возникла, когда страны Содружества (особенно Канада и Австралия) начали толковать положения, руководствуясь английской версией, отличающейся по смыслу от французской.

Это привело к рекомендациям в будущем закреплять равную юридическую силу всех языков договора.

Далее, в 1945 году был принят Устав ООН, в ст.111 которого впервые было указано, что все шесть официальных языков ООН (арабский, английский, испанский, китайский, русский, французский) являются аутентичными, то есть имеют одинаковую юридическую силу [17]. С этого момента многоязычная аутентичность стала международным стандартом. Однако в случае разнотений толкование производится с учётом контекста и целей договора, а не только формальной лексики.

В соответствии со ст. 33 Венской конвенции о праве международных договоров при расхождениях между языковыми версиями международного договора, суд или орган должен предпринимать толкование в свете объекта и цели договора, а не просто выбирать одну версию [18].

Исторический опыт показывает, что простое провозглашение языков равноправными без юридических процедур аутентичности – недостаточно; отсутствие механизмов сверки и координации приводит к разнотениям, судебным ошибкам и политическим

конфликтам. Современные правовые системы, особенно в условиях глобализации и интеграции (ЕС, СНГ, ЕАЭС), требуют точных, синхронизированных и эквивалентных правовых текстов на разных языках.

Лингвистическая аутентичность – это не просто лексическая точность перевода, а гарантия юридической эквивалентности всех языковых версий нормативных актов. В правовых системах с несколькими официальными языками обеспечение аутентичности стало необходимостью, которая институционализирована в различных странах.

В Канаде закреплена модель парламентского билингвизма. Законодательной основой выступает Official Languages Act (Закон Об официальных языках). В соответствии со ст.13 данного Закона «Both versions of an Act are equally authoritative» – обе версии Закона имеют одинаковую силу [19].

Это возможно благодаря постоянно действующей Лингвистической службе Парламента. В Канаде проводится обязательная юридико-лингвистическая экспертиза законопроектов, действуют правительственные юридико-лингвистические гlosсарии.

Раздел 133 Конституционного акта 1867 года закрепляет языковые права в Канаде, устанавливая, что законы Парламента Канады и законодательного собрания Квебека должны приниматься и публиковаться на английском и французском языках [20].

Одним из ключевых преимуществ канадского подхода является параллельная разработка обеих языковых версий нормативных правовых актов. При этом каждая редакция создаётся не как перевод, а как самостоятельный юридически значимый текст, подготовленный лингвистами-юристами. Окончательное согласование осуществляется в Департаменте юстиции Канады (Legislative Services Branch).

В случае расхождений между двумя языковыми версиями нормативного правового акта приоритет не отдается ни одной из них. Судебные органы обязаны установить «истинное намерение законодателя» (*true legislative intent*) на основе анализа обеих версий.

Эффективность системы обеспечивается работой постоянной Лингвистической службы Парламента, а также наличием обязательной юридико-лингвистической экспертизы всех законопроектов. Кроме того, широко используются официальные юридико-лингвистические гlosсарии, подготовленные государственными органами.

Согласно статье 70 Федеральной конституции Швейцарии, официальными языками Конфедерации признаны немецкий, французский и итальянский, а ретороманский - в границах кантона Граубюнден [21].

Все языковые версии федеральных законов обладают равной юридической силой. При наличии расхождений между текстами швейцарские суды обязаны анализировать все три версии для установления точного смысла законодательных норм.

Эффективность многоязычного нормотворчества обеспечивается:

- работой единых билингвальных и трилингвальных редакционных команд при каждом федеральном органе;
- деятельностью Федеральной канцелярии, которая контролирует точность формулировок и соблюдение принципа эквивалентности;
- применением специализированных инструкций по переводу и унификации нормативных правовых актов, регламентирующих правила формальной и содержательной эквивалентности между языковыми версиями.

В отличие от таких стран, как Канада и Швейцария, где перевод и редактура ведутся параллельно и синхронно на двух (или трёх) языках, в Казахстане часто один текст создаётся (чаще всего на русском языке), а второй переводится - нередко без привлечения специалистов в области юридической лингвистики.

Это приводит к расхождению в терминологии, потере смысловой эквивалентности, затруднениям в судебной интерпретации норм. Так, в уголовно-правовой доктрине Республики Казахстан понятие «вины» (ст. 19 УК РК) охватывает как интеллектуальный элемент – осознание лицом фактического характера и общественной опасности своего действия, так и волевой элемент, выражающий отношение субъекта к наступлению общественно опасных последствий (умысел или неосторожность) [22]. В русском языке этот термин имеет четко закрепленное юридическое содержание, ограниченное рамками уголовного закона. В казахском же варианте используется слово «кіна», которое в повседневной и морально-этической речи может означать «провинность», «грех» или «осуждаемый проступок» без четкого разграничения форм вины. Такое семантическое расхождение приводит к тому, что казахский термин не всегда полностью передает нормативно установленную структуру субъективной стороны преступления, в частности, разграничение умысла и неосторожности, что может создавать риски неоднозначного толкования при правоприменении и переводе уголовно-правовых норм.

Особый интерес представляет правовая практика Европейского союза, в котором действует принцип: «24 официальных языка - 24 аутентичных версии». Это означает, что все языковые редакции нормативных актов ЕС обладают равной юридической силой.

Правовое основание данного принципа закреплено в Регламенте № 1, определяющем языки, используемые Европейским экономическим сообществом (Regulation No 1 determining the languages to be used by the European Economic Community), согласно которому все официальные языки Союза считаются аутентичными и юридически равными [23].

Согласно статье 42 Статута Суда Европейского союза, при толковании права ЕС суд обязан учитывать все языковые версии нормативного акта, особенно в случае смысловых расхождений.

Процесс подготовки нормативных актов имеет ряд специфических особенностей:

- законодательные инициативы формулируются исходно на одном языке (обычно английском, французском или немецком);
- далее осуществляется перевод всех документов в Главном управлении перевода Европейской комиссии (Directorate-General for Translation, DGT);
- при выявлении расхождений между языковыми версиями применяется телологическое толкование (teleological interpretation) – т.е. в свете цели и контекста правовой нормы.

Эта система позволяет эффективно обеспечивать юридическую эквивалентность в условиях многоязычного регулирования, несмотря на потенциальные риски смысловой дифференциации между версиями.

В Бельгии действует Закон об использовании языков в вопросах законотворчества от 18 июля 1966 года, в соответствии с которым все нормативные правовые акты подлежат принятию и публикации на трёх официальных языках: французском, нидерландском и немецком. Каждая языковая версия обладает аутентичным статусом и имеет равную юридическую силу [24].

В случае обнаружения разнотечений между языковыми редакциями применяется механизм лингвистической экспертизы. При необходимости к процедуре может быть привлечён независимый лингвистический арбитр для разрешения спорных формулировок и установления оригинального смысла нормативного текста.

Кроме того, на этапе подготовки законодательных инициатив в Бельгии действуют специальные комиссии по лингвистической проверке, в состав которых входят юристы, профессиональные переводчики, лексикографы и специалисты по правовой лингвистике. Эти комиссии обеспечивают терминологическую точность, стилистическую согласованность и юридическую эквивалентность всех языковых версий закона.

Такой институционализированный подход способствует предотвращению правовых коллизий и обеспечивает высокий уровень языковой аутентичности законодательства в многоязычной правовой системе.

Таким образом, международная практика демонстрирует, что юридическая сила текста не может быть обеспечена без процедурной эквивалентности и профессиональной лингвистической координации. Равенство языков должно сопровождаться техническими и правовыми процедурами, иначе оно становится формальным.

Следует отметить, что проблема лингвистической аутентичности законов в странах СНГ также актуальна и недостаточно институционализирована. Многие страны СНГ имеют двухязычную систему законодательства, но при этом отсутствует система юридико-лингвистической сверки и контроля, что приводит к правовой неопределенности, разнотечениям и трудностям в правоприменении.

Так, государственным языком в Кыргызстане является кыргызский язык, а русский используется в качестве официального языка (ст.13 Конституции Кыргызской Республики) [25].

Что касается нормативных правовых актов, кыргызский законодатель закрепил основное положение – такие акты принимаются на государственном и официальном языках (п.2 ст. 10 Закона Кыргызской Республики «О государственном языке Кыргызской Республики») [26]. Из этого правила есть одно исключение: допускается принятие нормативных правовых актов представительных органов местного самоуправления исключительно на государственном языке при условии проживания на территории соответствующей административно-территориальной единицы преобладающего числа лиц, владеющих государственным языком, и наличия соответствующего решения представительного органа местного самоуправления» (п.3 ст. 10 Закона Кыргызской Республики «О государственном языке Кыргызской Республики») [26].

Следует отметить, что де-факто законодательство в основном разрабатывается на русском языке. Переводы на кыргызский часто делаются экспресс-методом, с использованием неустоявшейся терминологии; не урегулированы процедуры лингвистического контроля.

В Беларуси государственными языками являются белорусский и русский (ст.13 Конституции Республики Беларусь [27]). Согласно ст.7 Закона Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь», законы, указы, постановления и другие акты государственных органов, а также решения органов местного управления и самоуправления издаются на обоих государственных языках [28].

Однако подавляющее большинство НПА пишется на русском языке, затем переводится на белорусский, при этом не проходят экспертную проверку. Имеются случаи, когда

терминологическое несовпадение между версиями приводило к разным трактовкам норм, однако механизм устранения таких противоречий отсутствует.

Если обратиться к опыту Узбекистана, то можно отметить, что в соответствии со ст.4 Конституции Республики Узбекистан государственным языком является узбекский язык [29]. К языкам наций и народностей, проживающих на ее территории, Республика Узбекистан обеспечивает уважительное отношение, создает условия для их развития.

При этом узбекский законодатель закрепляет общее правило – приданье узбекскому языку статуса государственного не ущемляет конституционных прав наций и народностей, проживающих на территории республики, в употреблении родного языка (ст.2 Закона Республики Узбекистан «О государственном языке Республики Узбекистан») [30].

Касательно законодательных актов Республики Узбекистан, других документов органов государственной власти и управления, закреплено следующее положение: они принимаются и публикуются на государственном языке, то есть на узбекском. При этом переводы этих документов публикуются и на других языках (ст.8 Закона Республики Узбекистан «О государственном языке Республики Узбекистан»).

Акты местных органов власти и управления издаются на государственном языке. В регионах с компактным проживанием представителей отдельных этнических групп такие документы подготавливаются и публикуются как на государственном языке республики, так и на языке соответствующей национальности (п.2 ст.8 Закона Республики Узбекистан «О государственном языке Республики Узбекистан»).

Следует отметить, что до 2000-х годов в Узбекистане значительная часть законодательства была на русском языке, особенно в области экономики, права, медицины. С принятием в 1989 году Закона «О государственном языке» роль узбекского языка значительно возросла, что положило начало поэтапному переводу нормативных актов и официального документооборота на узбекский язык.

В Республике Таджикистан государственным языком является таджикский язык, а русский - язык межнационального общения (ст.2 Конституции Республики Таджикистан) [31].

Нормативно-правовые акты в Таджикистане разрабатываются и принимаются на государственном языке. Исключение: в предусмотренном законодательством случаях НПА переводятся на другие языки (ст.6 Закона Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан») [32].

Как отмечают исследователи, русскоязычные версии нормативных актов зачастую появляются с существенной задержкой по сравнению с таджикскими текстами, что затрудняет их одновременное введение в действие [33]. При переводах на русский язык нередко используются кальки и заимствования из русского без учета контекста таджикской правовой системы. Это снижает точность правовой интерпретации и может приводить к расхождениям в толковании норм.

Хотя юридически таджикский язык является определяющим, недостаточная проработанность правовой терминологии на государственном языке вынуждает прибегать к адаптированным русизмам, что свидетельствует о необходимости системного развития национальной правовой лексики [34].

В соответствии со ст.20 Конституции Республики Армения государственным языком является армянский язык [35]. Нормативные правовые акты разрабатываются, принимаются и публикуются исключительно на государственном языке.

С 2017 года в Армении русский язык наделен статусом иностранного языка. Использование русского языка имеет ограниченный характер и преимущественно встречается в сфере международных договоров, соглашений и официальной переписки, осуществляющейся в рамках межгосударственного взаимодействия.

Переводы законодательных и иных нормативных актов на русский язык не обладают аутентичным статусом. Они выполняют исключительно информационно-справочную функцию и не имеют юридической силы при толковании и применении норм. В случае возникновения споров либо необходимости официального толкования применяется армянский оригинал текста.

В Азербайджане государственным языком является азербайджанский язык (ст.21 Конституции Республики Азербайджан) [36]. Законы публикуются только на азербайджанском языке. Русский язык не имеет официального статуса; используется как язык межнационального общения и в международных контактах.

Аналогичная ситуация сложилась и в Республике Туркменистан: государственный язык – туркменский (ст.21 Конституции Республики Туркменистан) [37]. Законы публикуются исключительно на туркменском языке. Переводы используются только в международных контрактах, но не считаются аутентичными.

Следует отметить, что в Армении, Азербайджане и Туркменистане аутентичным является соответственно армянский, азербайджанский и туркменский текст; в правоприменении русский перевод не применяется. Для этих трех республик характерна монолингвальная система с ограниченным использованием русского языка для информационных целей. Обе модели демонстрируют отсутствие институционализированной процедуры лингвистической аутентификации между языковыми версиями НПА, так как переводы на русский язык не являются частью правотворческого процесса.

Интересной представляется ситуация, сложившаяся в Молдавии. В 1989 году был принят Закон «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», в соответствии с которым государственным языком признавался молдавский язык, а русский язык – язык межнационального общения [38].

В первоначальной редакции Конституции Республики Молдова 1994 года в ст. 13 было закреплено, что государственным языком является молдавский язык [39]. В этом же году был принят Закон «О порядке опубликования и вступления в силу официальных актов», который установил, что все НПА подлежат опубликованию на молдавском языке с обязательным их переводом на русский.

В августе 1991 года была принята Декларация независимости Республики Молдова, в тексте которой был использован термин румынский язык как государственный. Конституционный суд Молдовы в 2013 г. признал приоритет Декларации о независимости, где закреплён термин румынский язык. Как отмечают некоторые авторы с научной (лингвистической) точки зрения «молдавский» и «румынский» – это один и тот же язык, различия лишь в политическом наименовании [40].

Необходимо отметить, что 16 марта 2023 года Парламент Молдовы принял Закон о внесении изменений в Конституцию, заменив все упоминания молдавского языка на румынский язык. Теперь в ст. 13 Конституции официально указано, что государственным языком является румынский.

В декабре 2016 года вступил в действие новый Закон «О функционировании языков на территории Молдовы», в соответствии с которым за русским языком был сохранен статус языка «межнационального общения» [41]. При этом законодатель закрепил требование официального опубликования всех НПА на русском языке, перевод с молдавского языка должен быть аутентичным.

Однако в январе 2021 года Конституционный суд Республики Молдова признал неконституционным вышеуказанный Закон [42], ссылаясь на нарушения процедуры парламентского рассмотрения, несоответствие норм Закона Конституции и существующей языковой политике.

На сегодняшний день для Молдовы характерна де-юре монолингвальная модель с государственным языком – румынским и де-факто ограниченным использованием русского языка преимущественно для информационных и вспомогательных целей.

Следует отметить, что в большинстве стран СНГ отсутствует формализованная система лингвистической аутентичности, несмотря на многоязычный статус. Даже там, где официально закреплены два языка (Казахстан, Кыргызстан, Беларусь), не действуют процедуры проверки и согласования текстов, что: снижает правовую определённость, затрудняет международное сотрудничество и гармонизацию законодательства.

Проведя анализ опыта ряда зарубежных государств и стран СНГ, успешно реализующих двуязычные и многоязычные модели нормотворчества, мы пришли к выводу, что в таких правовых системах обеспечивается одновременная подготовка и принятие текстов законов на нескольких официальных языках, при этом каждая языковая версия обладает одинаковой юридической силой. Подобная практика требует применения специализированных методов юридико-лингвистической экспертизы, что позволяет минимизировать смысловые расхождения и гарантировать аутентичность формулировок. Более того, такие модели способствуют укреплению правового равенства граждан, обеспечивая равный доступ к законодательству независимо от языка, а также формируют культуру точного правового перевода, которая может служить ориентиром для совершенствования казахстанской системы двуязычного законотворчества.

Заключение

Проведённое исследование показало, что проблема лингвистической аутентификации многоязычных правовых текстов и гармонизации юридической терминологии является одной из ключевых для обеспечения правовой определённости и единообразия правоприменения в Республике Казахстан. Несмотря на нормативное закрепление равного статуса казахского и русского языков, а также наличие научной лингвистической экспертизы, действующая система двуязычного нормотворчества в Казахстане остаётся подверженной рискам терминологических, семантических и синтаксических расхождений. Это влечёт потенциальные юридические противоречия, снижает предсказуемость правоприменительной практики и может затруднять реализацию принципа равного доступа к закону.

Анализ международного опыта (Канада, Швейцария, Бельгия, ЕС), а также правовой практики в странах СНГ выявил, что устойчивые модели аутентификации формируются только при наличии институционализированных механизмов: постоянных юридико-лингвистических служб, официальных гlosсариев, специализированных инструкций и

процедур согласования текстов на разных языках. Эти механизмы позволяют не только минимизировать расхождения, но и развивать национальную правовую терминологию в соответствии с международными стандартами.

Для Казахстана ценным является сочетание таких инструментов, как: обязательная многоуровневая лингвистическая экспертиза, введение единого государственного глоссария юридических терминов, подготовка кадров с двойной компетенцией - в области права и перевода, а также развитие цифровых платформ для параллельной работы над проектами НПА на двух языках. В долгосрочной перспективе это позволит сформировать устойчивую правовую культуру точного и единообразного нормотворчества, что будет способствовать как внутренней правовой стабильности, так и повышению доверия к Казахстану как надёжному партнёру в международных правовых отношениях.

Таким образом, институционализация аутентификации правовых текстов и системная гармонизация юридической терминологии должны стать стратегическим направлением модернизации отечественного законодательства. Это позволит не только устраниить существующие пробелы, но и вывести нормотворческий процесс Казахстана на уровень лучших мировых практик.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования по научным и (или) научно-техническим программам на 2024-2026 годы, направленная на реализацию проекта BR 24993217 «Гармонизация юридической терминологии и лингвистическая аутентичность текстов законов в области уголовного права Республики Казахстан», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Вклад авторов

Кусаинова Айнур Казыбековна осуществила концептуализацию исследования, определила его архитектуру, провела комплексный анализ и интерпретацию данных, подготовила основное текстовое содержание и выполнила финальную научную и литературную редактуру перед подачей в печать.

Омарова Айман Бекмуратовна разработала методологическую основу исследования, обеспечила сбор и первичную обработку данных, а также внесла существенные корректизы в разделы, посвящённые эмпирическим и прикладным аспектам работы.

Оба автора обеспечили сбор, систематизацию и структурирование эмпирического материала, выполнили сравнительно-правовой анализ международных практик и участвовали в содержательной доработке статьи.

Список литературы

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) //URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 10.09.2025)
2. Мырзаева, Ш.Р., Мушанов Т.Е. (2015). Ұлттық заңнамадағы терминология мәселелері// Вестник института законодательства РК. - №4 (40). - С.105-109
3. Шолан, А.Б., Мушанов, Т.Е. (2016) Заң терминдері мен тұрақты тіркестерінің теңтүпнұсқалығын қалыптастырудың кейбір мәселелер// Вестник института законодательства РК. - №2 (43). - С.83-88

4. Мырзаева, Ш.Р., Шолан А.Б. (2014) Аударма тілі және салалық заң терминдері мен тұрақты қолданылатын сөз тіркестерін жетілдіру жолдары// Вестник института законодательства РК. - №4 (36). - С.90-95
5. Мединаева, А.А. (2015) Қолданыстағы заңнаманың тілдік кемшіліктері// Вестник института законодательства РК. - №4 (40). - С.114-118
6. Жетепова, Г.М. (2015) Аударма тіліндегі терминдер мәселелері// Вестник института законодательства РК. - №4 (40). - С.123-127
7. Sandrini, Peter. (2009) The Parameters of Multilingual Legal Communication in a Globalized World. Comparative Legilinguistics// International Journal for Legal Communication. - №1. - P.34-48.
8. Sarcevic, S. (1985) Translation of culture-bound terms in Laws// Multilingua. - 4(3). - P.127-133.
9. Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года №480-В «О правовых актах» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25 января 2025 г.)// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788&pos=57;-45#pos=57;-45&sdoc_params=text%3D%25D0(дата обращения: 10.09.2025)
10. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года №151-І «О языках в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16 марта 2025 г.)// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034(дата обращения: 10.09.2025)
11. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2019 года № 149 «О некоторых вопросах нормотворческой деятельности в Республике Казахстан»// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39649573
12. Приказ и.о. Министра юстиции Республики Казахстан от 5 июля 2023 года № 464 Об утверждении Правил разработки, согласования и государственной регистрации нормативных правовых актов// URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033048> (дата обращения: 10.09.2025)
13. Закон Республики Казахстан «О профессиональных союзах» от 27 июня 2014 года № 211-В «О профессиональных союзах» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.)// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31571953&pos=245;-48#pos=245;-48(дата обращения: 10.09.2025)
14. «Кәсіптік одақтар туралы» Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 27 маусым дағы № 211-В Заңы (2024.20.08. берілген өзгерістер мен толықтырулармен)// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31571943&pos=245;-48#pos=245;-48 (дата обращения: 10.09.2025)
15. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft, 18.04.1999// URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19995395/index.html>(дата обращения: 10.09.2025)
16. Treaty of Versailles, 28 June 1919// URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000002-0043.pdf> (дата обращения: 10.09.2025)
17. UN Charter// URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>
18. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006717(дата обращения: 10.09.2025)
19. Official Languages Act (R.S.C., 1985, c. 31 (4th Supp.))// URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-3.01/page-1.html#h-384181>(дата обращения: 10.09.2025)
20. The Constitution Acts 1867 to 1982// URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page-4.html>(дата обращения: 10.09.2025)
21. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft (Федеральная Конституция Швейцарии)// URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de>(дата обращения: 10.09.2025)

22. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-V// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&sub_id=2180000&pos=3604;-37#pos=3604;-37&sdoc_params=text%3D%25(дата обращения: 10.09.2025)
23. Regulation No 1 determining the languages to be used by the European Economic Community (OJ 17, 6.10.1958, p. 385)// URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:01958R0001-20130701>(дата обращения: 10.09.2025)
24. Loi sur l'emploi des langues en matière administrative coordonnée le 18 juillet 1966// URL: <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/europe/belgique663.htm>(дата обращения: 10.09.2025)
25. Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом 11 апреля 2021 года)// URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru>(дата обращения: 10.09.2025)
26. Закон Кыргызской Республики «О государственном языке Кыргызской Республики» от 2 апреля 2004 года// URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1439/edition/1264991/ru>(дата обращения: 10.09.2025)
27. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года №3094-XI// URL:<https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 10.09.2025)
28. Закон Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» от 26 января 1990 года №3094-XI// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39249115&show_di=1&pos=5;-108#pos=5;-108(дата обращения: 10.09.2025)
29. Конституция Республики Узбекистан от 30 апреля 2023 года// URL: <https://constitution.uz/ru>(дата обращения: 10.09.2025)
30. Закон Республики Узбекистан от 21 октября 1989 года №26 «О государственном языке Республики Узбекистан»//URL: <https://www.lex.uz/acts/121433>(дата обращения: 10.09.2025)
31. Конституции Республики Таджикистан от 26 сентября 1999 года// URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya>(дата обращения: 10.09.2025)
32. Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» от 5 октября 2009 года № 553// URL: https://www.andoz.tj/docs/zakoni/I_%E2%84%9613_state-language-RT_ru.pdf(дата обращения: 10.09.2025)
33. OSCE Office in Tajikistan. Assessment of the Legal Framework in Tajikistan: Bilingual Legislation and Legal Certainty Issues – Dushanbe: OSCE, 2017 – 34 р.
34. Шокиров Т.С. (2011) Формирование и развитие юридических терминов таджикского языка: автореферат дисс. ... д.фил.н. – Душанбе – 47 с.
35. Конституция Республики Армения от 6 декабря 2015 года// URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 10.09.2025)
36. Конституции Республики Азербайджан принятая на всенародном референдуме 12 ноября 1995 года // URL: https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution#section_1(дата обращения: 10.09.2025)
37. Конституция Республики Туркменистан от 18 мая 1992 года// URL: <https://saylav.gov.tm/ru/law?id=2>(дата обращения: 10.09.2025)
38. Закон Республики Молдова от 1 сентября 1989 года № 3465-XI «О функционировании языков на территории Молдавской ССР»// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30604791(дата обращения: 10.09.2025)
39. Конституции Республики Молдова от 29 июля 1994 года// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30390931&pos=8;-108#pos=8;-108(дата обращения: 10.09.2025)
40. Павлов А.С. (2024) Правовое обеспечение русского языка в Республике Молдова// Постсоветские исследования – Т.7 (№2). - С.216-220

41. Закон Республики Молдова №234 от 16 декабря 2020 года «О функционировании языков на территории Молдовы»// URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=124548&lang=ru(дата обращения: 10.09.2025)

42. Постановление Конституционного суда Республики Молдова от 21 января 2021 года № 40 о контроле конституционности Закона № 234 от 16 декабря 2020 года о функционировании языков на территории Республики Молдова/ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37092978&pos=5;-108#pos=5;-108 (дата обращения: 10.09.2025)

А.К. Құсайынова¹, А.Б. Омарова²

^{1,2}«Нархоз» университеті, Алматы, Қазақстан

(e-mail: 1a.kussainova@narhox.kz, 2omar_17@mail.ru)

Көптілді құқықтық мәтіндерді аутентификациялау және заң терминологиясын үйлестіру: шетелдік ұлгілер мен Қазақстан үшін болашағы

Анната: Қазақстан Республикасында екітілді заңнама жүйесінің даму жағдайында нормативтік құқықтық актілердің қазақ және орыс тілдеріндегі мәтіндерінің лингвистикалық тәнгүпнұсқалығын (аутентичность) қамтамасыз ету мәселесі ерекше маңызға ие. Тілдік нұсқалар арасындағы мағыналық айырмашылықтар құқықтық айқындық пен сот жүйесіне деген сенімге көрі әсер етуі мүмкін.

Зерттеудің мақсаты – шетелдік құқықтық мәтіндердің тәнгүпнұсқалығын қамтамасыз ету және заң терминологиясын үйлестіру тәжірибесін кешенді талдау, сондай-ақ олардың Қазақстан заңнамалық тәжірибесіне бейімделу мүмкіндігін анықтау. Негізгі назар Канада, Швейцария, Бельгия, ЕО және ТМД елдерінің ұлгілеріне аударылды.

Тақырыптың өзектілігі – қылмыстық құқық саласында қазақ және орыс тілдерінің тең қызмет етуіне кедергі келтіретін институционалдық және тілдік кедергілерді жою қажеттігімен байланысты. Жұмыстық практикалық маңызы – халықаралық стандарттар негізінде қазақстандық заңнаманы жетілдіруге бағытталған нақты ұсыныстарды қалыптастыру.

Зерттеу әдінамасы салыстырмалы-құқықтық талдауға, конституциялық және салалық актілерді зерделеуге, сот тәжірибесі мен ғылыми дереккөздерге негізделген.

Зерттеу нәтижесінде аутентификацияны қамтамасыз етуге ықпал ететін тиімді институционалдық механизмдер мен терминологиялық тәсілдер анықталды. Заң жобаларын қос тілде әзірлеу және лингвистикалық сараптаманы күшеттігі туралы қорытынды жасалды.

Бұл жұмыс Қазақстанның құқықтық жүйесінде заң тілінің сапасын арттыруға және құқықтық лингвистика саласын дамытуға үлес қосады. Алынған нәтижелер заң шығару мен сот тәжірибесінде тілдік сәйкесіздікten туындастын құқықтық қайшылықтарды болдырmaу үшін қолданылуы мүмкін.

Түйін сөздер: лингвистикалық аутентификация, қостілді заңнама, заң терминологиясын үйлестіру, қазақ тілі, орыс тілі, құқықтық лингвистика, құқықтық мәтіндерді аудару.

A. Kussainova¹, A. Omarova²

^{1,2}*Narxoz University, Almaty, Kazakhstan*

(e-mail: 1a.kussainova@narxoz.kz, 2omar_17@mail.ru)

Multilingual Legal Text Authentication and Harmonization of Legal Terminology: Foreign Models and Prospects for Kazakhstan

Abstract: In the context of Kazakhstan's integration into the international legal framework, the issue of ensuring linguistic authenticity of bilingual legal texts – officially published in Kazakh and Russian – gains particular importance. Discrepancies in meaning between the two language versions can negatively impact legal certainty, judicial consistency, and public trust in law.

This study aims to comprehensively examine foreign models of legal text authentication and terminology harmonization and assess their applicability to Kazakhstan's legislative process. Special focus is given to systems in Canada, Switzerland, Belgium, the EU and CIS countries.

The relevance of this topic lies in addressing the institutional and linguistic barriers that hinder full equality between Kazakh and Russian in criminal law. The practical significance of the work is reflected in its development of specific proposals to improve Kazakhstan's bilingual lawmaking, based on international standards.

The research methodology is grounded in comparative legal analysis, examination of constitutional and sectoral acts, judicial practice, and academic literature.

The study identifies effective institutional mechanisms and terminological strategies that support authenticity. It highlights the need for simultaneous bilingual drafting and enhanced linguistic review of legislative texts. A set of best practices and adaptation mechanisms for Kazakhstan is proposed.

This research contributes to improving legal language quality and advancing the field of legal linguistics in Kazakhstan. The outcomes can be applied to prevent legal uncertainty arising from linguistic mismatches in legislation and to ensure equal interpretability of laws in both state languages.

Keywords: linguistic authentication, bilingual legislation, harmonization of legal terminology, Kazakh language, Russian language, legal linguistics, translation of legal texts.

References

1. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan (prinyata na respublikanskem referendume 30 avgusta 1995 goda) (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 19.09.2022 g.)// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (data obrashcheniya: 10.09.2025)
2. Myrzayeva Sh.R., Mushanov T.Ye. Ülttyk, zaňnamadaǵy terminologiya məselelerí//Vestnik instituta zakonodatel'stva RK. - №4 (40). - 2015. - S.105-109
3. Sholan A.B., Mushanov T.E. Zang terminderi men turakty tirkesterinin tentupnuskalygyny kalipastyrydyn keibir maseleler // Vestnik instituta zakonodatel'stva RK. - №2 (43). - 2016. - S.83-88
4. Myrzaeva Sh.R., Sholan A.B. (2014) Audarma tili zhane salalyk zang terminderi men turakty koldanylasyz soz tirkesterin zhetildiru zholdary // Vestnik instituta zakonodatel'stva RK. - №4 (36). - S.90-95
5. Medinaeva A.A. (2015) Koldanystagy zanngamaning tildik kemshilikteri // Vestnik instituta zakonodatel'stva RK. - №4 (40). - S.114-118
6. Zhetepova G.M. (2015) Audarma tilindegi terminder maseleleri // Vestnik instituta zakonodatel'stva RK. - №4 (40). - S.123-127

7. Sandrini, Peter. (2009) The Parameters of Multilingual Legal Communication in a Globalized World. *Comparative Legilinguistics//International Journal for Legal Communication*. - №1. - P.34–48.
8. Sarcevic, S. (1985) Translation of culture-bound terms in Laws// *Multilingua*. - 4(3). - P.127–133.
9. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 6 aprelya 2016 goda №480-V "O pravovykh aktakh" (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 25 yanvarya 2025 g.) // URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788&pos=57;-45#pos=57;-45&sdoc_params=text%3D%25D0(data obrashcheniya: 10.09.2025)
10. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iyulya 1997 goda №151-I "O yazykakh v Respublike Kazakhstan" (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 16 marta 2025 g.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034(data obrashcheniya: 10.09.2025)
11. Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan ot 28 marta 2019 goda № 149 "O nekotorykh voprosakh normotvorcheskoy deyatel'nosti v Respublike Kazakhstan" // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39649573(data obrashcheniya: 10.09.2025)
12. Prikaz i.o. Ministra yustitsii Respubliki Kazakhstan ot 5 iyulya 2023 goda № 464 "Ob utverzhdenii Pravil razrabotki, soglasovaniya i gosudarstvennoy registratsii normativnykh pravovykh aktov" // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033048>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
13. Zakon Respubliki Kazakhstan "O professional'nykh soyuzakh" ot 27 iyunya 2014 goda № 211-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 20.08.2024 g.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31571953&pos=245;-48#pos=245;-48(data obrashcheniya: 10.09.2025)
14. «Kásiptik odaktar turaly» Qazaqstan Respublikasyny 2014 jylgy 27 mausym dagy № 211-V Zany (2024.20.08. berilgen ózgerister men tolyqtyrularmen) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31571943&pos=245;-48#pos=245;-48(data obrashcheniya: 10.09.2025)
15. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft, 18.04.1999// URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19995395/index.html>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
16. Treaty of Versailles, 28 June 1919// URL:<https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000002-0043.pdf>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
17. UN Charter// URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>
18. Venskaya konventsya o prave mezhdunarodnykh dogоворов от 23 maya 1969 goda // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006717(data obrashcheniya: 10.09.2025)
19. Official Languages Act (R.S.C., 1985, c. 31 (4th Supp.))// URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/o-3.01/page-1.html#h-384181>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
20. The Constitution Acts 1867 to 1982// URL:<https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page-4.html>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
21. Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft (Федеральная Конституция Швейцарии)// URL:<https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/de>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
22. Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan ot 3 iyulya 2014 goda №226-V // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&sub_id=2180000&pos=3604;-37#pos=3604;-37&sdoc_params=text%3D%25D0(data obrashcheniya: 10.09.2025)
23. Regulation No 1 determining the languages to be used by the European Economic Community (OJ 17, 6.10.1958, p. 385)// URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:01958R0001-20130701>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
24. Loi sur l'emploi des langues en matière administrative coordonnée le 18 juillet 1966// URL: <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/europe/belgique663.htm>(data obrashcheniya: 10.09.2025)

25. Konstitutsiya Kyrgyzskoy Respubliki (prinyata referendumom 11 aprelya 2021 goda) // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
26. Zakon Kyrgyzskoy Respubliki «O gosudarstvennom yazyke Kyrgyzskoy Respubliki» ot 2 aprelya 2004 goda // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1439/edition/1264991/ru>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
27. Konstitutsiya Respubliki Belarus' ot 15 marta 1994 goda №3094-XI // URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
28. Zakon Respubliki Belarus' «O yazykah v Respublike Belarus'» ot 26 yanvarya 1990 goda №3094-XI//URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39249115&show_di=1&pos=5;-108#pos=5;-108 (data obrashcheniya: 10.09.2025)
29. Konstituciya Respubliki Uzbekistan ot 30 aprelya 2023 goda// URL: <https://constitution.uz/ru> (data obrashcheniya: 10.09.2025)
30. Zakon Respubliki Uzbekistan ot 21 oktyabrya 1989 goda №26 «O gosudarstvennom yazyke Respubliki Uzbekistan»//URL: <https://www.lex.uz/acts/121433>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
31. Konstitucii Respubliki Tadzhikistan ot 26 sentyabrya 1999 goda// URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (data obrashcheniya: 10.09.2025)
32. Zakon Respubliki Tadzhikistan «O gosudarstvennom yazyke Respubliki Tadzhikistan» ot 5 oktyabrya 2009 goda № 553// URL: https://www.andoz.tj/docs/zakoni/l_%E2%84%9613_state-language-RT_ru.pdf(data obrashcheniya: 10.09.2025)
33. OSCE Office in Tajikistan. Assessment of the Legal Framework in Tajikistan: Bilingual Legislation and Legal Certainty Issues – Dushanbe: OSCE, 2017 – 34 p.
34. SHokirov T.S. (2011) Formirovanie i razvitiie yuridicheskikh terminov tadzhikskogo yazyka: avtoreferat diss. ... d.fil.n. – Dushanbe – 47 s.
35. Konstituciya Respubliki Armeniya ot 6 dekabrya 2015 goda// URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (data obrashcheniya: 10.09.2025)
36. Konstitucii Respubliki Azerbajdzhan prinyata na vsenarodnom referendume 12 noyabrya 1995 goda // URL: https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution#section_1 (data obrashcheniya: 10.09.2025)
37. Konstituciya Respubliki Turkmenistan ot 18 maya 1992 goda// URL: <https://saylav.gov.tm/ru/law?id=2>(data obrashcheniya: 10.09.2025)
38. Zakon Respubliki Moldova ot 1 sentyabrya 1989 goda № 3465-XI «O funkcionirovaniyu yazykov na territorii Moldavskoj SSR»// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30604791 (data obrashcheniya: 10.09.2025)
39. Konstitucii Respubliki Moldova ot 29 iyulya 1994 goda// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30390931&pos=8;-108#pos=8;-108 (data obrashcheniya: 10.09.2025)
40. Pavlov A.S. (2024) Pravovoe obespechenie russkogo yazyka v Respublike Moldova // Postsovetskie issledovaniya – T.7 (№2). - S.216-220
41. Zakon Respubliki Moldova №234 ot 16 dekabrya 2020 goda «O funkcionirovaniyu yazykov na territorii Moldovy»// URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=124548&lang=ru (data obrashcheniya: 10.09.2025)
42. Postanovlenie Konstitucionnogo suda Respubliki Moldova ot 21 yanvarya 2021 goda № 4 O kontrole konstitucionnosti Zakona № 234 ot 16 dekabrya 2020 goda o funkcionirovaniyu yazykov na territorii Respubliki Moldova/ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37092978&pos=5;-108#pos=5;-108(data obrashcheniya: 10.09.2025)

Сведения об авторах:

Кусаинова А.К. – автор для корреспонденции, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор, Университета Нархоз, ул. Джандосова, 55, 050035, Алматы, Казахстан

Омарова А.Б. – к.ю.н., профессор, Университета Нархоз, ул. Джандосова, 55, 050035, Алматы, Казахстан

Құсайынова А.К. – хат-хабар авторы, философия докторы (PhD), қауымдастырылған профессоры, «Нархоз» университеті, Жандосов к-си, 55, 050035, Алматы, Қазақстан

Омарова А.Б. – заң ғылымдарының кандидаты, профессор, «Нархоз» университеті, Жандосов көшесі, 55, 050035, Алматы, Қазақстан

Kussainova A. – corresponding author, Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Narxoz University, 55 Dzhandozova st., 050035, Almaty, Kazakhstan

Omarova A. – Candidate of Law, Professor, Narxoz University, 55 Dzhandozova st., 050035, Almaty, Kazakhstan

Copyright: © 2025 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).